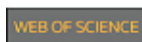

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Шевелева М. С. Стилистика и прагматика художественного иронического дискурса (на материале английского и французского языков) / М. С. Шевелева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 151—173. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-151-173.

Sheveleva, M. S. (2022). Stylistics and Pragmatics of Artistic Ironic Discourse (English and French Languages). *Nauchnyi dialog*, 11(7): 151-173. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-151-173. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-151-173

**Стилистика и прагматика
художественного
иронического дискурса
(на материале английского
и французского языков)**

Шевелева Марина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-6376-9293
аспирант,
кафедра теоретической лингвистики
и практики межкультурного общения
WR08@mail.ru

Пятигорский
государственный университет
(Пятигорск, Россия)

**Stylistics and Pragmatics
of Artistic Ironic Discourse
(English and French
Languages)**

Marina S. Sheveleva
orcid.org/0000-0002-6376-9293
Post-graduate student,
Department of Theoretical Linguistics and
Practices of Intercultural Communication
WR08@mail.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

© Шевелева М. С., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявляются особенности стилистического оформления художественного иронического дискурса в современной англоязычной и франкоязычной прозе. В качестве эмпирического материала используются текстовые фрагменты, содержащие иронические высказывания, отобранные из художественных литературных произведений на английском и французском языках. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью взаимосвязей вербальных составляющих и концептуальной подоплеку иронии как ментального механизма вторичной эмпатии, а также необходимостью подтверждения статуса иронии как речевой стратегии ободрения, поощрения, самозащиты, порицания, осмеяния, дискредитации, самооправдания, саморепрезентации или самоуничижения, которая вербализуется в художественной литературе, благодаря привлечению ряда стилистических приемов семантического и синтаксического толка. Показано, что, помимо языковых средств, объективирующих концептуальную структуру иронического высказывания, и дейктических единиц, раскрывающих порядок и логику организации информации на уровне вторичной эмпатии, художественный иронический дискурс (как англоязычный, так и франкоязычный) ярко окрашен изобразительно-выразительными средствами языка, которые актуализируются посредством неоднозначной, объемной, образформирующей семантики и экспрессивного синтаксиса. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа было выявлено, что франкоязычный художественный иронический дискурс обладает более высокой плотностью стилистических приемов и экспрессивностью, нежели англоязычный.

Ключевые слова:

художественный иронический дискурс; вторичная эмпатия; стилистический прием; образность; экспрессивность; речевая стратегия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the display of the stylistic peculiarities of literary ironic discourse in modern English and French prose. The empirical basis of the research is built on the corpus of text fragments containing ironic statements selected from literary works in English and French. The relevance of the study is accounted for by the insufficient study of the interconnections between verbal components and conceptual background of irony — the mental mechanism of second-order empathy — as well as the need to confirm the status of irony as a speech strategy of encouragement, incentive, self-defense, censure, ridicule, discredit, self-justification, self-representation or self-abasement, which is verbalized in fiction literature, thanks to the involvement of a number of stylistic devices of a semantic and syntactic sense. It is shown that in addition to linguistic means that objectify the conceptual structure of an ironic utterance and deictic units that reveal the order and logic of organizing information at the level of second-order empathy, fictional ironic discourse (both English and French) is brightly colored with figurative and expressive means of language, which actualize through ambiguous, voluminous, image-forming semantics and expressive syntax. In the course of comparative analysis, it has also been found out that the French-language fictional ironic discourse has a higher density of stylistic devices and is more expressive than the English-language one.

Key words:

literary/fictional ironic discourse; second-order empathy; stylistic device; imagery; expressiveness; speech strategy.

Стилистика и прагматика художественного иронического дискурса (на материале английского и французского языков)

© Шевелева М. С., 2022

1. Введение = Introduction

Ирония является неотъемлемой риторической и прагмасемантической составляющей смыслового пространства художественного дискурса как культурного феномена. В парадигме лингвистического анализа ирония — это «вид иносказания, базирующийся на столкновении двух противоположных оценок в одном отрезке речи. Эти оценки образуют два плана высказывания: эксплицитный — прямой, буквальный, который несет положительную оценку, и имплицитный — подразумеваемый, который содержит критическую оценку» [Самыгина, 2017]. Имплицитный уровень, зачастую состоящий из нескольких смысловых слоев, вскрывается благодаря обращению интерпретатора не только к лингвистическому контексту и субъективной модальности, отражающей отношение персонажей друг к другу и обсуждаемой ими ситуации, но и к определенным фоновым знаниям, индуцируемым всезнающим автором в общую коммуникативную ситуацию, упакованную в «ироническую обертку». Подобное видение механизма порождения иронии предлагает Ж. Женетт, говоря о данном явлении как о множественности смыслов, «накладывающихся друг на друга» в условиях «зазора между буквой и смыслом» [Женетт, 1998].

В связи с этим видится чрезвычайно важным изучение иронии как уникального проявления ценностных ориентиров и культурной идентичности человека в ситуации межличностного взаимодействия, которое управляется определенными когнитивными процессами и воплощается в речи посредством определенных языковых средств.

В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть художественный иронический дискурс с точки зрения его актуализации на когнитивном и вербальном уровнях с привлечением эмпирического материала, полученного из произведений современных англоязычных и франкоязычных авторов. В качестве объекта исследования выбраны иронически окрашенные речевые единицы англоязычного и франкоязычного художественного дискурса. Предметом исследования стал прагмасемантический эффект и когнитивные особенности объективации иронии языковыми средствами образности и выразительности в современной англоязычной и франкоязычной прозе.

Цель нашего исследования состоит в выявлении, анализе, описании и сопоставлении языковых средств образности и выразительности иронического художественного дискурса и их корреляций с составляющими когнитивных схем вторичной эмпатии.

Актуальность и новизна работы видятся в привлечении теории эмпатии к изучению иронического дискурса; обосновании отказа считать иронию исключительно тропом, «состоящим в употреблении слова в смысле обратном буквальному с целью насмешки» [Розенталь и др., 2003], и подтверждении ее статуса речевой стратегии, которая обслуживается целым «арсеналом» тропов семантического и синтаксического толка; выявлении специфики и степени выраженности стилистической маркированности иронических высказываний в современной англоязычной и франкоязычной прозе.

2. Материал, методы и обзор = Material, Methods, Review

Эмпирическим материалом данного исследования является массив содержащих иронические высказывания текстовых фрагментов, которые были отобраны из художественных литературных произведений современных англоязычных и франкоязычных авторов. Общее количество проанализированных текстов составляет 1050 единиц.

Для анализа эмпирического материала используются методы интерпретативного, концептуального, прагматического, когнитивно-дискурсивного, стилистического и количественного анализа.

В качестве важного исследовательского инструмента изучения иронии выступает установление имплицитной информации посредством концептуальных формул вторичной эмпатии — фактора интерпретации фрагментов художественного иронического дискурса, подключение которого способствует экстерииоризации ментальных механизмов интересующего взаимодействия не только на уровне восприятия и оценки коммуникантами их мнения о фокусном объекте или событии, но и на уровне их отношения к тому, как моделирует их мнение собеседник и что он о нем думает.

Понятие эмпатии как ментального механизма восприятия и интерпретации информации в ходе межличностного вербального общения, а не только как способности разделять переживания собеседника, было введено в лингвистический научный дискурс У. Чейфом [Чейф, 1982; Chafe, 1997] и С. Куно [Куно, 1987]. В последнее десятилетие теория эмпатии в аспекте дискурс-анализа вновь приобрела актуальность благодаря исследованиям Д. Герэртса, который рассматривает ее как свойство, присущее человеку говорящему (*homo loquens*), то есть человеку, участвующему в речевой коммуникации, в аспекте соотношения Говорящий / Я vs Слу-

шающий / Другой [Geeraerts, 2020]. В рамках данного соотношения эмпатическая интерпретация или, иными словами, включение собеседника (Слушающего / Другого) «как независимого концептуализатора в intersubjectную модель общего знания предоставляет интерпретатору (потребителю дискурса) возможность выбора ракурса эмпатии первого порядка (что думает собеседник об обсуждаемой ситуации) или эмпатии второго порядка (что думает собеседник о том, что думаю я об обсуждаемой ситуации)» [Шевелева, 2021, с. 546].

В ходе проведенного анализа эмпирического материала было выявлено, что формулы вторичной эмпатии, содержащие определенным образом организованные компоненты: Говорящий / Я — S (Self), Слушающий / Другой — O (Other), Фокусный объект / Фокусное событие — (p) — [S полагает, что O полагает p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что p → S утверждает ~p / O утверждает ~p] и [S полагает, что O полагает ~p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что ~p → S утверждает p / O утверждает p], — составляют концептуальный базис иронии в художественном дискурсе. Важно отметить, что проблема амбивалентности, которая неизбежна в случае попытки выхода на уровень вторичной эмпатии в анализе обыденного дискурса, снимается, когда в роли объекта изучения выступает дискурс художественный. Наличие всезнающего автора, предоставляющего читателю всю необходимую информацию о мировоззрении, характере, намерениях, внутреннем состоянии персонажей и обстоятельствах, в которых они «проживают» события в пространстве возможного мира литературного произведения, в значительной степени расширяют «горизонт понимания» интерпретатора [Демьянков, 1983; Шаравьев, 2008].

Эмпатия, будучи ментальным явлением, непосредственно связанным со способностью человека к восприятию окружающего мира и взаимодействию с другими людьми, в том числе и посредством вербальной коммуникации, обладает чертами экстралингвистического и лингвистического феномена, а также используется в настоящем исследовании как механизм, позволяющий вскрыть концептуальные и прагматические основы порождения иронии в художественном дискурсе. Как феномен познания и отношения, она воплощается в вербальном межличностном взаимодействии через определенные лингвистические средства, к которым, как показывает анализ примеров художественного иронического дискурса, относятся дейктические знаки, лексические единицы и грамматические структуры, объективирующие характеристики участников информационного события (Говорящего / Я, Слушающего / Другого и объекта коммуникации (фокусного события)), в том числе и в экспрессивно-образном ключе.

Что касается экспликации вторичной эмпатии, порождающей иронию, то она осуществляется посредством комплекса лингвистических средств, среди которых лексические единицы, номинирующие и характеризующие участников, отношения, складывающиеся между ними, а также их реакцию на оценку высказанного ими мнения о фокусном событии.

Немаловажную роль среди выделенных средств играет использование в художественном ироническом дискурсе пространственных, временных и персональных дейктических единиц. В ходе анализа фрагментов художественного иронического дискурса были отмечены и включены в арсенал экспликаторов вторичной эмпатии личные (*I; me; them; him; her; you; etc. / vous; je; moi, etc.*) и указательные (*this; these; that; those / ces; ce; cet; celui; cette; celle; ceux; celles*) местоимения, пространственные предлоги (*here; there; under; up; in; on; into; etc. / ici; là; là-bas, etc.*) и пространственные наречия, производные от них (*towards; downwards; nowhere from; close to; apart from; up and down; etc. / devant; derrière; loin et près de, etc.*), временные наречия и устойчивые выражения, являющиеся индикаторами темпоральности, аспектуальности и таксиса (*once; for weeks; at that moment; now; then; constantly; all the time; etc. / demain; toujours; dernièrement; longtemps; à nouveau, de nouveau; toutes les heures; par instants; de temps en temps; etc.*) в коммуникативном (оно объективируется собственно текстовым фрагментом художественного произведения, содержащим иронию) и фокусном событиях, оказывающихся в центре обсуждения наряду с временными глагольными формами (Past Simple Tense в сочетании с Past Continuous / Past Perfect Tense; Present Continuous Tense; Present Perfect / Perfect Continuous Tense) / *passé simple / passé composé / imparfait*). Вышеперечисленные средства в одинаковом объеме задействуются в литературных произведениях на английском и французском языках.

Поскольку основной функцией языковых единиц персональной, пространственной и временной семантики является установление соотношений между описываемыми в тексте событиями и их участниками в перспективе 'говорящий субъект vs слушающий субъект', то, образно говоря, они помещают коммуникантов, равно как и получателя дискурса / интерпретатора «в определённую точку наблюдения» [Туницкая, 2019, с. 122].

Помимо дейктических единиц и комплексов, выполняющих функцию указателей, раскрывающих порядок и логику организации информации на уровне вторичной эмпатии, иронические высказывания художественного дискурса (как англоязычного, так и франкоязычного) ярко окрашены образительно-выразительными средствами языка, которые актуализируются посредством неоднозначной, объемной, образформирующей семантики и экспрессивного синтаксиса.

Поскольку в споре исследователей иронии мы принимаем позицию тех, кто отказывается идентифицировать данный феномен как троп или стилистический прием [Шатуновский, 2007; Потехня, 2010, с. 188; Заврумов, 2017 и др.], то представляется целесообразным провести инвентаризацию и сопоставление изобразительно-выразительных средств, «обслуживающих» данный коммуникативный феномен, сфера влияния которого распространяется не на диктум, а на модус высказывания. Так как «диктум отражает реальное положение дел, а модус — отношение говорящего к содержанию высказывания» [Сергеева, 2018, с. 86], то, ориентируясь на такой вариант соотношений между позициями Говорящего и Слушающего на уровне вторичной эмпатии, порождающей иронию, как конфликт их восприятий обсуждаемой ситуации, можно предположить, что данная модальность как раз и формируется за счет используемых автором образных и экспрессивных средств языка.

Как отмечает З. А. Заврумов, «ирония не является ни тропом, ни фигурой, она не является компонентом, из которого создается текст. Напротив, сама ирония “создается” из других тропов и фигур. Различен прагматический эффект иронии: она может сделать коммуникацию состязательной и интересной, но может и стать коммуникативным барьером, создавая определенные неудобства интерпретирования сообщения» [Заврумов, 2017, с. 123].

К. М. Шилихина также отделяет иронию от тропов и стилистических фигур, выявляя при этом три стратегии ее формирования — вербальную, риторическую и когнитивную. Как утверждает исследователь, согласно корпусному анализу наиболее рекуррентной оказывается вербальная стратегия, выражающаяся в выборе языковых средств объективации иронии [Шилихина, 2014, с. 124—125].

С точки зрения К. М. Шилихиной, к вербальным стратегиям относятся антифразис, нетривиальная лексическая стратегия, нетривиальная номинация, гипербола, метафора, дискурсивные слова, сниженная лексика, антонимы, литота, игра слов, окказионализмы, полисемия, энантиосемия, словасимулякры и т. п. Когнитивная стратегия видится автору исследования как намеренное нарушение логических и причинно-следственных связей, сравнения / сопоставления, столкновение разных пропозиций, а риторическая стратегия выражается посредством интертекста, антифразиса, противоречия здравому смыслу, использования нетривиальной лексики, эхо-упоминания и риторического вопроса, частично перекликающихся со способами актуализации вербальной и когнитивной стратегий [Шилихина, 2014].

Следует отметить, что в настоящем исследовании в качестве опорного выделяется когнитивный аспект, который понимается несколько иначе — прежде всего как глубинный концептуальный паттерн, ментальный

механизм, запускающий процессы иронизирования и считывания иронии, формально представленные в схемах вторичной эмпатии, разработанных в рамках настоящего исследования. Что касается риторической стратегии, то в нашем понимании она актуализируется на базе порождающих иронию концептуальных структур (когнитивная стратегия), которые объективируются вербальными средствами — образными и экспрессивными (вербальная стратегия), и включает в себя определенные прагматические модусы, обусловленные коммуникативной целью и эмоциональной окрашенностью высказывания (эмотивная маркированность). В подобном случае все три аспекта актуализации иронии оказываются взаимосвязанными и формируют холическую (целостную) модель ее объективации в смысловом пространстве художественного текста.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В ходе проведенного анализа 1050 фрагментов текстов современных художественных произведений на английском и французском языках, содержащих иронию, были выявлены стилистические приемы, актуализирующиеся на семантическом (образные средства) и синтаксическом (экспрессивный синтаксис) уровнях. Общее количество актуализаций образных языковых средств на 525 фрагментов англоязычного художественного иронического дискурса составляет 796 случаев, а на то же количество фрагментов во франкоязычном художественном ироническом дискурсе — 928 случаев. Количество экспрессивных языковых средств, формирующихся на синтаксическом уровне, на равное количество фрагментов также оказывается несколько выше во франкоязычной (972 случая), нежели в англоязычной прозе (968 случаев). Необходимо отметить, что в проведенном количественном анализе с целью выявления и сопоставления наиболее рекуррентных тропов и средств экспрессивности для обоих языков со 100 % соотносится не число текстовых фрагментов, а число случаев актуализации рассматриваемых стилистических приемов в иронически окрашенных высказываниях.

3.1. Языковые средства выразительности, прагматические эффекты и концептуальный базис художественного иронического дискурса

Прототипической стилистической фигурой, использующейся в ироническом высказывании, является антифразис — употребление слова, словосочетания или целой фразы в значении, которое противоположно прямому значению этой единицы языка, складывающемуся из суммы значений составных единиц. Характеристики антифразиса иногда понимаются как предел, до которого сужают саму иронию, определяя ее как троп. Следует также признать, что используется антифразис зачастую в сочетании с другими стилистическими приемами семантического и синтаксического типа:

(1) (1) *Ils lui avaient retiré son dentier. Ses joues semblaient affreusement creuses et sa lèvre supérieure flottait à l'intérieur de sa bouche.*

Alors ? Tu as encore fait la folle, c'est ça?

Prendre ce ton badin exigeait de lui un effort sur humain.

*J'ai parlé avec l'infirmière, tu sais, et elle m'a dit que l'opération s'était très bien passée. Te voilà avec **un joli morceau de ferraille à présent...*** [Galvalda, 2019, p. 46—47].

// Она была без зубных протезов. Ее щеки ввали, а верхняя губа и вовсе провалилась.

— *Вот это да! Снова ты угодила в историю...*

Шутливый тон давался ему очень тяжело.

— *Я говорил с медсестрой, и она сказала, что операция прошла очень хорошо. **Теперь в твоей ноге стоит классный железный штырь** ...* (здесь и далее перевод наш. — М. Ш.).

Как правило, языковая единица с противоположной описываемому положению дел семантикой, объективирует фокусное событие (р). В данном примере в качестве фокусного события выступают тяжелая травма и последующая операция, которые только что перенесла бабушка (О — Слушающий / Other) главного героя романа (S — Говорящий / Self), и он, разговаривая с бабушкой, вспоминает о произошедшем нарочито восторженно и легкомысленно, стараясь таким образом подбодрить старушку. Антифразис в данном ироничном отрезке речи в оригинале «встроен» в риторические вопросы (*Alors? Tu as encore fait la folle, c'est ça?*), в смысловом плане противоречащие как эмоциональному состоянию говорящего, так и несчастью, случившемуся с бабушкой, а также эпитет (*un joli morceau de ferraille à présent*). В прагмасемантическом плане ироничные высказывания Говорящего являются реализацией стратегии ободрения.

Аналогичная стратегия реализуется и благодаря антифразису, являющемуся основным стилистическим приемом в фрагменте англоязычной прозы, представленном ниже:

(2) *Early on at Caldicott, his (Andrew's) class were asked if they could name the seasons of the year. Andrew's hand shot up.*

'Flat and National Hunt,' he said with confidence.

'I'm sorry?' His teacher had no idea what he was talking about.

*'In racing,' Andrew explained, 'there are two seasons. **The flat season**, which runs roughly from the beginning of April until November. And the **jumps season**, also known as **the National Hunt season**, which runs from October till the end of April.'*

Technically, my brother was correct. But it was not the answer his teacher had expected.

'That's excellent, Andrew. A very original and detailed answer. Anyone else?' [Balding, 2013, p. 108].

// На одном из первых занятий в Колдикотте учительница спросила, кто знает времена года. Рука Эндрю взлетела вверх самой первой.

— **Национальные гладкие скачки и скачки с барьером.**

Голос Эндрю звучал уверенно и твердо.

— Прости, пожалуйста. Можешь пояснить?

Учительница никак не могла взять в толк, о чем он говорил.

— В конном спорте есть два сезона. **Гладкие скачки**, они начинаются где-то в апреле и продолжаются до ноября. А есть **скачки с барьером** — они проходят с середины октября до конца апреля, — объяснил Эндрю.

Вообще-то, мой брат был абсолютно прав. Но учительница ожидала другой ответ.

— **Отлично, Эндрю! Очень необычный и подробный ответ. Может, еще есть желающие?**

Необходимо пояснить, что в данном случае объективируемый через антифразис предмет разговора (p): *the seasons of the year*, по-разному понимаемый учителем (S1) и учеником (O), имеет и неодинаковую прагматическую модальность в перспективе Говорящего, которым является учитель (S1), Слушающего (O) и другого незримого участника (S2) — автора романа Клэр Болдинг. Оценивая неверный ответ Эндрю как «необычный» и «подробный» (*That's excellent, Andrew. A very original and detailed answer*), учитель стремится подбодрить его, а он сам, будучи ребенком, не может распознать подвох. Из «точки наблюдения» всезнающего автора, который к тому же является участником событий (роман автобиографичный), слова учителя интерпретируются как явно ироничные, особенно если учесть различия в фоновых знаниях, формирующих так называемую общую информационную платформу коммуникантов (common ground). Ведь учительнице даже в голову не приходит, насколько необычным является уклад жизни в семье Эндрю, где все подчинено уходу за лошадьми и их подготовке к соревнованиям. Поэтому Эндрю хорошо осведомлен о сезонных состязаниях в конном спорте, но никто не рассказал ему о временах года.

Однако антифразис в ироническом дискурсе может также способствовать и актуализации стратегии порицания. Так, помощница и по совместительству няня в семье Болдинг, застав девочку разменивающей в банке украденные у отца мелкие долларовые купюры на фунты, рассказала все ее матери. За этим последовал такой разговор:

(3) *'She said she didn't want to confront you in the bank, as it would have embarrassed you. My mother fixed me with the direct gaze. So, what were you doing there?'*

'I was opening an account. I said it with so much confidence that I almost believed myself.

'That's funny,' said my mother. 'You already have an account with Lloyds....' [Balding, 2013, p. 87].

// — Она (помощница семьи Болдинг) сказала, что не стала ничего выяснять там, потому что не хотела смущать тебя, — сказала мама, глядя мне прямо в глаза, — Так что же ты делала в банке?

— Открывала счет, — ответила я так уверенно и твердо, что сама почти поверила в свои слова.

— **Забавно.** У тебя уже есть счет в банке Ллойдс...

В данном примере мать (S) в разговоре с дочерью (O) описывает ситуацию в банке (фокусное событие (p)) как забавную (*funny*), на самом деле оценивая ее как возмутительную. Таким образом, рассматриваемый отрезок речи объективирует концептуальную структуру [S полагает, что O полагает ~p и S полагает, что O полагает, что S полагает, что ~p → S утверждает p], из которой становится понятным, что ни одна из сторон не считает инцидент забавным, однако Говорящий (S), являющийся в этом случае ироником, использует для объективации фокусного события лексему *funny*, чтобы еще больше подчеркнуть серьезность проступка дочери (O).

3.2. Стилистическая конвергенция в актуализации иронии

В ходе анализа эмпирического материала было выявлено, что многогранность, ситуативная и смысловая сложность художественного нарратива, содержащего иронию, в определенной степени обуславливают и полифоничность его стилистического оформления, которая наблюдается как в англоязычной, так и во франкоязычной прозе. Было установлено наличие так называемого «пучка» разноуровневых стилистических приемов во всех изученных фрагментах текста. Подобное явление определяется как стилистическая конвергенция, для которой характерным является одновременное участие сразу нескольких стилистических средств в выполнении «единой стилистической задачи», что наделяет конвергенцию «большим экспрессивным потенциалом, по сравнению с отдельным стилистическим средством» [Нелькенбаум, 2016, с. 137]. В частности, иронический эффект в рассмотренных текстовых фрагментах создается благодаря сочетанию тропов семантического (эпитет, метафора, метонимия, образное сравнение и др.) типа, дополненных экспрессивными синтаксическими средствами (эмфатические конструкции, парцелляция, параллелизм, переспросы, анафора, эпифора, анадиплосис и антитеза и т. д.).

Так, в примере ниже сходятся в «пучок» сразу несколько изобразительно-выразительных средств:

(4) *Mom hands me a steaming mug and the newspaper. 'There's a nice picture of your young man in there,' she says. 'Really? A picture?'*

'Yep. It's about the most I've seen of him since summer,' Mom says, giving me a sidelong glance with her eyebrow arched, her version of soul-searching stare.

'I know, I say, and then without meaning to, I sigh. Adam's band, Shooting Star. Is on an upward spiral, which is a great thing — mostly.

'Ah, fame, wasted on the youth,' Dad says, but he's smiling. I know he's excited for Adam. Proud even [Forman, 2014, p. 3].

// Мама протягивает мне дымящуюся чашку и газету.

— Здесь очень симпатичная фотография твоего молодого человека.

— Фотография? Неужели?

— Да. Это первая статья о нем с самого лета, — говорит мама, слегка приподняв бровь и искоса глядя на меня. **Она всегда так делает, когда хочет поговорить по душам.**

— Знаю, — вздыхаю я, совершенно неожиданно. **Группа Адама «Меттеор» стремительно набирает популярность, что в целом здорово...**

— Увы, не тем сегодня достается слава, разве молодые способны ее оценить, — говорит отец и улыбается. **Я знаю, он очень рад за Адама. Даже гордится им.**

Фокусным событием в данном отрезке иронического дискурса является успех Адама (р), который отец Мии (О) комментирует, прибегая к деформации хорошо известного парадоксального афоризма Б. Шоу о том, что, к сожалению, молодость достается молодым. Сам предмет разговора объективируется через метафору (*upward spiral*), усиленную метафорическим названием группы (*Shooting Star*) и совмещенную с антифразисом (*Ah, fame, wasted on the youth*), который погашается словами рассказчика — Мия (S) — *but he's smiling. I know he's excited for Adam. Proud even*. Выделенные лингвистические средства объективируют схему вторичной эмпатии [S полагает, что О полагает ~р и S полагает, что О полагает, что S полагает, что ~р → О утверждает р], а переспрос (*Really? A picture?*), парцелляция (*Adam's band, Shooting Star. Is on an upward spiral...*) и обособление (*which is a great thing — mostly*) в сочетании с градацией (*I know he's excited for Adam. Proud even.*) придают всему фрагменту экспрессивность. Как видно из концептуальной схемы, в роли ироника выступает отец Мии, а через высказанное им ироничное замечание актуализируется стратегия поощрения.

Так же, как и предыдущий отрывок, довольно краткий пример на французском языке (5) демонстрирует многообразие стилистических средств, использующихся в художественном ироническом дискурсе:

(5) — *Tu viendras me voir?*

Bien sûr que je viendrai! J'ai une belle moto, tu sais...

Tu ne roules pas trop vite au moins?

Tttt, une vraie tortue...

Menteur... Elle lui souriait dans ses larmes. [Gavalda, 2019, p. 46-47].

// — Ты будешь меня навещать?

— А ты как думаешь? Ну конечно, я приеду, у меня ведь теперь шикарный мотоцикл, помнишь?

— Но ты не гоняешь слишком быстро?

— Да что-о-о ты, тащусь, как черепаха...

— Врун...

Она улыбалась сквозь слезы.

Ирония в данном отрывке объективируется посредством антифразиса, оппозиционность составляющих которого выражена через метафору в сочетании с лексической эмфазой и эмотивным маркером в начале фразы (*Tttt, une vraie tortue...*).

3.3. Прагмастилистическое воплощение иронии в художественном дискурсе: рекуррентные стилистические приемы во взаимосвязи с речевыми стратегиями и формулами вторичной эмпатии

Метонимия. В качестве языкового образного средства объективации иронии в художественном тексте также выделяется метонимия, которая, как и метафора, выступает в качестве центрального компонента «стилистического пучка», создающего иронический эффект в рассматриваемых фрагментах дискурса. Метонимия в сочетании с другими изобразительно-выразительными средствами оказывается довольно репрезентативным тропом для обоих языков.

Например, в отрывке из автобиографичного романа «Шок и трепет» бельгийской писательницы А. Нотомб иронизирование автора относительно различий между людьми, принадлежащими к западной и восточной культурам, осуществляется с помощью метонимического переноса, встроенного в антитезу и дополненного анафорой: (6) *Le cerveau nippon est probablement capable de se forcer à oublier une langue. Le cerveau occidental n'en a pas les moyens* [Nothomb, 2006, p. 4] // Японский мозг, вероятно, способен заставить себя забыть язык. Западный мозг не может себе этого позволить. Ирония в данном случае выполняет функцию актуализатора стратегии дискредитации, равно как и в примере: (7) *On regrettera rien. Ni les horaires, ni le salaire, ni cette tête de rat de M. Schihont qui lui servait de patron* [Guène, 2004, p. 68] // Не о чем жалеть. Ни о рабочем графике, ни о зарплате, ни об этой крысиной башке Месье Шихона, который был его начальником. В данном примере метонимия (*cette tête de*

rat de M. Schihont) усиливается благодаря экспрессивному синтаксису — параллелизму, анафорическим повторам и парцелляции.

В несколько меньшей степени метонимия задействована в англоязычном художественном дискурсе. Так, в отрывке из новеллы канадской писательницы Э. Манро «Венлокский кряж» отмечается объективация иронии посредством метонимии (*my feet making too much noise*), включенной в механизм стилистической конвергенции, сконструированный из лексической эмфазы (*too much*) и обособления (*sometimes; always*):

(8) *There was a note under my door saying that Beth wanted to talk to me. I was afraid it would be about my coat hung over the banister to dry, or my feet making too much noise on the stairs when her husband, Blake (sometimes), and the babies (always) had to sleep in the daytime* [Munro, 2010, p. 65] // Я обнаружила у себя под дверью записку: Бет хотела со мной поговорить. Я решила, что это насчет пальто, которое я оставила сушиться на перилах лестницы, или насчет того, что я слишком громко топая, поднимаясь к себе днем, в то время как ее муж Блейк (иногда) или детишки (обычно) спят.

Необходимо подчеркнуть, что во всех представленных фрагментах иронического дискурса, содержащих метонимический перенос, данный стилистический прием соотносится с фокусным событием (р), причем представляет именно те его аспекты, которые являются наиболее значимыми для Говорящего (S) и / или Слушающего (О). Эти составляющие в обязательном порядке встроены в концептуальную структуру иронически окрашенного текста, даже если он формально не является диалогом, поскольку диалогичность — это неизменное свойство любого художественного текста [Kuno, 1987].

Эпитеты и образные сравнения. Довольно репрезентативными в иронически маркированных фрагментах англоязычного и франкоязычного художественного дискурса являются эпитеты и образные сравнения, которые, как и рассмотренные выше компоненты стилистической конвергенции, выполняют целый ряд важных функций: обеспечивают выделенность наиболее значимых аспектов сообщения, цельность, образность и экспрессивность текста, объективируют концептуальную структуру иронии, заложенную на уровне вторичной эмпатии: (9) *«Elle a dit ça de sa voix aiguë, en séparant chaque syllabe de la phrase, ça faisait débile mentale»* [Guène, 2004, p. 68] // Она сказала это своим пронзительным голосом, отделяя каждый звук во фразе, как умственно больная. Так, в примере (9) рассказчица (S), она же и участница описываемых событий, подобным образом комментирует неуместное замечание (р) кассирши (О) в супермаркете по громкой связи. Причем, образные средства — *sa voix aiguë* и *ça faisait*

débile mentale — в данном примере характеризуют не фокусное событие, а участника коммуникации (О). Целью иронии, представленной в этом фрагменте, является реализация стратегий порицания и осмеяния, тесно связанных со стратегией самозащиты участника коммуникации, являющегося повествователем (S).

Аналогичным образом функционируют данные стилистические приемы и в английском языке. Причем в примере (10) эпитет (*old-fashioned*) и лексические единицы и фразы (*They probably reminded people of church suppers; My granma used to make them; ... even if she has been put in the category of his grandmother*), совокупность которых можно определить как развернутое сравнение, формирующееся на основании разнонаправленных ассоциативных связей между старомодностью хозяйки званого вечера и неоцененного гостями блюда. Экспрессивность текстового фрагмента усиливается благодаря использованию эллипсиса и парцелляции (*Few of the devilled eggs were eaten anyway. Old-fashioned. Too much cholesterol; Too bad, they were a lot of work*), а также лексической эмфазы (*too much; too bad*):

(10) *Wilted salads and cream tarts and devilled eggs have been thrown out. Few of the devilled eggs were eaten anyway. Old-fashioned. Too much cholesterol.*

“Too bad, they were a lot of work. They probably reminded people of church suppers,” says Joyce, tipping a plateful into the garbage.

“My granma used to make them,” says Jay. These are the first words he has addressed, and she sees Tommy looking grateful. She feels grateful herself, even if she has been put in the category of his grandmother [Munro, 2010, p. 47].

// Подсохшие салаты, пирожные с кремом, яйца, печенные в пряностях, — все это теперь выбрасывается. Печеных яиц почти никто и не попробовал. Старомодно. Слишком много холестерина.

— Жаль, столько труда на них ушло! — говорит Джойс, вываливая почти полное блюдо в мусорное ведро. — Наверное, они напомнили гостям церковные ужины.

— Моя бабушка такие делала, — подает голос Джей. Это первая фраза, которую он адресует Джойс, и она видит, что Томми благодарно улыбается. Она отвечает улыбкой, хотя ее только что приравняли к бабушке.

— Мы их попробовали, нам понравилось, — говорит Томми.

На концептуальном уровне рассматриваемый текстовый фрагмент мотивируется формулой вторичной эмпатии [S полагает, что О полагает, что О полагает, что О полагает, что S полагает, что р → О утверждает ~р], где в

роли коммуникантов выступают Джей (S) и Джойс (O), а изначально обсуждаемый объект **p** (*the devilled eggs*) в какой-то момент проецируется на саму Джойс, которая является еще и ироником. Именно фраза из ее внутреннего монолога, спрятанная за улыбкой в разговоре с Джейм, замыкает концептуальную цепочку вторичной эмпатии. С точки зрения прагматики, ирония здесь трансформируется в самоиронию и включает стратегию самозащиты.

ГИПЕРБОЛА И ЛИТОТА. В рассмотренном эмпирическом материале также представлены и традиционные для реализации иронии в обыденном дискурсе гипербола и литота, которые, как показывает количественный анализ, не являются доминантами художественного иронического дискурса и так же, как и остальные образные и экспрессивные средства, функционируют в тесной связке друг с другом. Так, в отрывке ниже автор успешно сочетает и литоту, и гиперболу, вложенные в переспрос и авторский комментарий, более полно раскрывающий реакцию Говорящего (S), выступающего в данном ситуативном контексте и в роли ироника:

(11) — *Trois mois? Vous comptez démolir cette cloison avec une cuillère à café? demanda Mathias dont l'intérêt pour la conversation venait de redoubler.* [Levy, 2006, p. 36] // — *Три месяца? Вы собираетесь сносить эту перегородку кофейными ложечками? — спросил Матиас. Его интерес к разговору внезапно возрос вдвое.*

Следующий пример иронического дискурса в отрывке из романа П. Г. Вудхауса также содержит гиперболу (*canvass like a ton of bricks*), включенную в образное сравнение, и преувеличение погашается абсурдностью предложения пойти пообедать на фоне страстных, но очень непродолжительных разговоров о необходимости изо всех сил бороться за победу на выборах. В роли ироника в данном отрывке выступает сам автор:

(12) 'Now is the time for all good men to come to the aid of the party?'

'Exactly. You are going to canvass for me. Well, **canvass like a ton of bricks**, and see that Jeeves does the same. I've simply got to win.'

'You can rely on us.'

'Thank you, Bertie, I knew I could. And now let's go in and have a bite of lunch.' [Wodehouse, 2008, p. 30].

// — Не пришло ли время всем достойным джентльменам сплотиться и помочь нашей партии?

— Именно. Ты ведь займешься сбором голосов в мою пользу? **И нужно делать это самоотверженно и неустово.** Проследи, чтобы и Дживс этим тоже занялся. Мне нужна только победа.

— Можешь на нас положиться.

— Спасибо, Бerti, я знал, что могу. А теперь давай зайдем куда-нибудь пообедаем.

Несмотря на использование образных средств одного типа в рассмотренных выше примерах, прагматически они работают по-разному. В первом случае (11) актуализируется стратегия дискредитации и осмеяния, а во втором (12) — поощрения.

ЗЕВГМА И ОКСИМОРОН. Зевгма и оксиморон являются самыми мощными экспликаторами иронии и комического по сравнению с остальными стилистическими приемами. Однако их нельзя причислить к наиболее рекуррентным в обоих дискурсах. Так, зевгма оказывается более частотной в англоязычном художественном дискурсе. Причем, как видно из примера ниже, она всегда «солирует под аккомпанемент» других изобразительно-выразительных средств языка:

(13) *'You know I support my staff, Ted. You know I venerate your work.'*
'I know no such bloody thing. I know that you have been told by people cleverer than you that I am a feather in your greasy cap.' [...].

A month's salary, deep regret, the telephone number of some foul rehab clinic and my lance was free. [Fry, 2004, p. 1].

// — *Знаешь, Тед, я всегда поддерживаю своих сотрудников. Я преклоняюсь перед твоим мастерством.*

— *Да ни черта я не знаю. Я знаю, что тебе говорили люди, которые гораздо умнее тебя. А говорили они мне, что я слишком хорош для твоей паршивой газетенки.*

Итак, месячное жалование, глубокие сожаления, номер телефона какой-то занюханной психологической клиники, и я совершенно свободен.

Так, в данном примере описывается сцена увольнения главного героя, литературного критика, который выступает в роли повествователя. Как и в большинстве иронически маркированных отрывков, наиболее выделенный стилистический прием — зевгма (*A month's salary, deep regret, the telephone number of some foul rehab clinic and my lance was free*) — коррелирует с фокусным событием (р) — увольнением (во время которого его начальник говорит, что он горой стоит за своих подчиненных и восторгается его работами). Говорящий / S — главный редактор, а Слушающий / О — уволенный за неподобающее поведение на премьере спектакля театральный критик. На концептуальном уровне данный пример intersубъектной коммуникации может быть представлен формулой [S полагает, что О полагает р и S полагает, что О полагает, что S полагает, что р → О утверждает ~р]. Специфика авторского повествования выражается также с помощью анафорического повтора (*You know... You know...*), лексической эмфазы (*I know no such bloody thing*) и деформированного идиоматического выражения (*I am a feather in your greasy cap*). Ироничные выпады уволенного ав-

тора (О) актуализируют стратегию дискредитации в отношении редактора, а также стратегии самозащиты и самооправдания.

В отрывке из романа Ж. Делакруа «Список моих желаний» зевгма (*et où ce mensonge m'a fait perdre la tête, les vêtements et le pucelage*) также коррелирует с фокусным событием (р) в модели вторичной эмпатии, составляющей концептуальную основу иронически маркированного художественного текста, а с точки наблюдения Жослин (S), которая также выступает и в роли всезнающего автора, она уже совершенно иначе оценивает комплименты Жо (О) в свой адрес. Соответственно, концептуальная структура данного отрывка может быть представлена как [S полагает, что О полагает р и S полагает, что О полагает, что S полагает, что р → S утверждает ~р]:

(14) *Romain a été conçu le soir où Jo m'a dit qu'il me trouvait belle et où ce mensonge m'a fait perdre la tête, les vêtements et le pucelage* [Delacourt, 2012, p. 10] // *Наш сын Ромен был зачат в тот самый вечер, когда Жо сказал мне, что я красивая, и я из-за его вранья потеряла поочередно голову, одежду и невинность.*

С точки зрения прагматики ироничного высказывания в фрагменте реализуется стратегия самоуничижения.

Совершенно другой прагматический фон у ироничного замечания героя романа французского автора С. Беншетри, который, присматривая за собакой одной богатой дамы, уехавшей на отдых, мечтает о своей (р). Впечатляет концентрация стилистических приемов в довольно короткой реплике Говорящего (S):

(15) *Mais certainement pas un caniche. Non, un vrai bâtard. Un mélange pure race. Une espèce de gros pathétique...* [Benchetrit, 2004, p. 34—35] // *Но уж точно не пуделя. Нет, настоящую дворнягу. Чистокровную помесь. Самый настоящий пафос...*

Вокруг оксиморона (*Un mélange pure race*) — выявленного лишь в нескольких случаях и исключительно в текстах на французском языке — стягивается плотный пучок стилистических приемов семантического и синтаксического уровня: антифразис (*vrai bâtard ↔ pure race*), эпитет (*Une espèce de gros pathétique*), парцелляция, лексическая эмфаза (*vrai; pure; gros*) и градация (*Un vrai bâtard. Un mélange pure race. Une espèce de gros pathétique...*). Все эти изобразительно-выразительные средства соотносятся с фокусным объектом, косвенно характеризую и самого Говорящего, в риторике которого наиболее четко просматривается стратегия саморепрезентации.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный концептуальный, прагмасемантический, стилистический и количественный анализ текстовых фрагментов, извлеченных из со-

временной прозы на английском и французском языках, содержащих иронию, позволил установить следующее.

В привлечении образных средств в ходе формирования иронического высказывания наиболее репрезентативным приемом в обоих случаях оказался образный эпитет, который используется несколько чаще в произведениях англоязычных авторов (28,4 % случаев к 19,2 %). Следующей по репрезентативности можно считать метафору (18,3 % от общего количества образных средств в английском и 19,2 % во французском языке). Метонимия является более репрезентативной в иронически маркированных текстах на французском языке (14,7 % случаев к 9,5 %). Антифразис — стилистическая манифестация принципов формирования иронии — не является лидирующим по результатам количественного анализа: он встречается в иронически окрашенных текстовых фрагментах на английском языке в 15,6 % случаев, а на французском — в 14,8 %. Далее по уровню рекуррентности следуют гипербола (10,2 % (англ. яз.) — 9,5 % (фр. яз.)), литота (5,3 % (англ. яз.) — 9 % (фр. яз.)) и зевгма (1,9 % (англ. яз.) — 2 % (фр. яз.)). Было отмечено лишь несколько случаев употребления оксиморона только в франкоязычном ироническом дискурсе.

Количественное представление экспрессивных языковых средств в английском и французском языках тоже несколько разнится. Так, наиболее репрезентативными для англоязычной иронии оказываются параллелизм (21,5 %) и парцелляция (20,7 %), а для франкоязычной — риторический вопрос (18,9 %) и парцелляция (14,4 %). Довольно интересные выводы можно также сделать, опираясь на данные о частотности риторических вопросов (18,9 % (фр. яз.) — 4,2 % (англ. яз.)), переспросов (11,3 % (фр. яз.) — 9,7 % (англ. яз.)) и восклицательных предложений (10,3 % (фр. яз.) — 2,3 % (англ. яз.)).

Полученные результаты указывают на то, концентрация образных и экспрессивных языковых средств оказывается явно выше в художественном ироническом дискурсе на французском языке, нежели на английском. Полученный результат, на наш взгляд, еще раз подчеркивает большую эмоциональную напористость франкоязычной иронии.

Уникальность авторского восприятия в контексте двух лингвокультур проявляется в многообразии образных и экспрессивных языковых средств, которые используются для моделирования иронии в пространстве современной прозы на английском и французском языках. Было выявлено, что все иронически окрашенные отрезки художественного текста, созданные в англоязычной и франкоязычной культурах, содержат не один, а несколько стилистических приемов, причем в текстах на французском языке их плотность гораздо выше. Это позволяет говорить о яв-

лении стилистической конвергенции и еще раз подтверждает следующее: ирония — не троп, а стилистически маркированный способ актуализации речевых стратегий ободрения, поощрения, самозащиты, порицания, осмеяния, дискредитации, самооправдания, саморепрезентации или самоуничижения.

Образные языковые средства формируют прямые корреляции с составляющими концептуальных схем вторичной эмпатии, порождающих иронию, а экспрессивные средства добавляют выразительности и эмотивности ироническим высказываниям художественного дискурса, сообщая им соответствующую модальность.

Источники и принятые сокращения

1. *Самыгина Л. В.* Изучение иронии в сфере лингвистики [Электронный журнал] / Л. В. Самыгина // А-фактор : научные исследования и разработки. — 2017. — Режим доступа : <http://a-factor.ru/tekushchij-nomer/item/37-izuchenie-ironii-v-sfere-lingvistiki> (дата обращения 27.05.2022).
2. *Balding C.* My animals and other family / C. Balding. — London : The Penguin Group, 2013. — 258 p. — ISBN: 9780241959756.
3. *Benchetrit S.* Récit d'un branleur / S. Benchetrit. — Paris : Pocket, 2004. — 174 p. — ISBN: 9782266108218.
4. *Delacourt G.* La liste de mes envies / G. Delacourt. — Paris : Première édition février, 2012. — 186 p. — ISBN: 2709638185.
5. *Forman G.* If I stay / G. Forman. — London : The Penguin Group, 2014. — 224 p.
6. *Fry S.* The Hippopotamus / S. Fry. — London : Arrow Books, 2004. — 400 p. — ISBN 0-09-945703-2.
7. *Gavalda A.* Ensemble, c'est tout / A. Gavalda. — Paris : J'ai lu, 2019. — 576 p.
8. *Guène F.* Kiffe kiffe demain / F. Guène. — Paris : Hachette Littératures, 2004. — 194 p.
9. *Levy M.* Mes amis mes amours / M. Levy. — Paris : Dépôt legal, 2006. — 352 p. — ISBN: 2266168983.
10. *Munro A.* Too much happiness / A. Munro. — London : Vintage, 2010. — 312 p. — ISBN: 0307390349.
11. *Nothomb A.* Stupeur et tremblements / A. Nothomb. — Éditeur : Livre de Poche, 2006. — 186 p. — ISBN: 9782253150718.
12. *Wodehouse P. G.* Much obliged, Jeeves / P. G. Wodehouse. — London : Arrow Books, 2008. — 203 p. — ISBN: 0009951396X.

Литература

1. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика : введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : ИД ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 236 с. — ISBN 978-5-89016-938-9.
2. *Демьянков В. З.* Понимание как интерпретирующая деятельность / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. — 1983. — № 6. — С. 58—67.
3. *Женетт Ж.* Фигуры : Работы по поэтике / Ж. Женетт. — Москва : Издательство Сабашниковых, 1998. — Т. 1. — 472 с.

4. Заврумов З. А. Феномен иронии в художественном тексте : прагмасемантический и лингвокультурологический аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.20 / З. А. Заврумов. — Махачкала, 2017. — 317 с.
5. Нелькенбаум В. М. Особенности стилистической конвергенции в художественном тексте / В. М. Нелькенбаум // Вестник Башкирского университета. — 2016. — Т. 21. — № 1. — С. 136—139.
6. Розенталь Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — Москва : Оникс- 21 век ; Мир и образование, 2003. — 623 с.
7. Сергеева Ю. М. Фактор адресата как причина амбивалентности диалогического дискурса / Ю. М. Сергеева // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики : традиции и инновации : в 2-х частях. — Москва : МПГУ, 2018. — Ч. 1. — С. 81—87.
8. Потебня А. А. Теория словесности : Тропы и фигуры / А. А. Потебня. — Москва : КРАСАНД, 2010. — 200 с. — ISBN 978-5-396-00197-8.
9. Туницкая Е. Л. Лингвистические маркеры персонажа — объекта авторской эмпатии / Е. Л. Туницкая // Филологические науки в МГИМО. — 2019. — № 1 (17). — С. 120—127. — DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-120-127.
10. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Наука, 1982. — Выпуск 11. — С. 277—317.
11. Шаравьев Е. А. Герменевтика ответа / Е. А. Шаравьев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 28. — С. 142—152.
12. Шатуновский И. Б. Ирония и ее виды / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. — Москва : Индрик, 2007. — С. 349—372. — ISBN 5-85759-403-0.
13. Шевелева М. С. Теория эмпатии в анализе дискурса (на материале английского и французского языков) / М. С. Шевелева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — Выпуск 2. — С. 543—552. — DOI: 10.30853/phil210056.
14. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : диссертация ... доктора филологических наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. — Воронеж, 2014. — 399 с.
15. Chafe W. Discourse, Consciousness, and Time : The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing / W. Chafe. — Chicago : The University of Chicago Press, 1994. — 392 p.
16. Geeraerts D. Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity / D. Geeraerts // Наука без границ : синергия теорий, методов и практик : материалы Международной научной конференции. — Москва : МГЛУ, 2020. — С. 12—13. — ISBN 978-5-00120-210-3.
17. Kuno S. Functional syntax : anaphora, discourse, empathy / S. Kuno. — Chicago : University of Chicago, 1987. — 320 p.

Material resources

- Balding, C. (2013). *My animals and other family*. London: The Penguin Group. 258 p. ISBN: 9780241959756.
- Benchetrit, S. (2004). *Récit d'un branleur*. Paris: Pocket. 174 p. ISBN: 9782266108218. (In Franc.).
- Delacourt, G. (2012). *La liste de mes envies*. Paris: Première édition février. 186 p. ISBN 2709638185. (In Franc.).
- Forman, G. (2014). *If I stay*. London: The Penguin Group. 224 p.

- Fry, S. (2004). *The Hippopotamus*. London: Arrow Books. 400 p. ISBN 0-09-945703-2.
- Gavalda, A. (2019). *Ensemble, c'est tout*. Paris: J'ai lu. 576 p. (In Franc.).
- Guène, F. (2004). *Kiffe kiffe demain*. Paris: Hachette Littératures. 194 p. (In Franc.).
- Levy, M. (2006). *Mes amis mes amours*. Paris: Dépôt legal. 352 p. ISBN: 2266168983. (In Franc.).
- Munro, A. (2010). *Too much happiness*. London: Vintage. 312 p. ISBN: 0307390349.
- Nothomb, A. (2006). *Stupeur et tremblements*. Éditeur: Livre de Poche. 186 p. ISBN: 9782253150718. (In Franc.).
- Samygina, L. V. (2017). The study of irony in the field of linguistics. In: *A-factor: scientific research and development*. Available at: <http://a-factor.ru/tekushchij-nomer/item/37-izuchenie-ironii-v-sfere-lingvistiki> (accessed 27.05.2022). (In Russ.).
- Wodehouse, P. G. (2008). *Much obliged, Jeeves*. London: Arrow Books. 203 p. ISBN: 009951396X.

References

- Boldyrev, N. N. (2014). *Cognitive semantics: an introduction to cognitive linguistics*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 236 p. ISBN 978-5-89016-938-9. (In Russ.).
- Chafe, W. (1994). *Discourse, Consciousness, and Time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing*. Chicago: The University of Chicago Press. 392 p.
- Chief, U. (1982). Datum, contrastivity, definiteness, subject, topics and point of view. In: *New in foreign linguistics, 11*. Moscow: Nauka. 277—317. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1983). Understanding as interpretive activity. *Questions of Linguistics*, 6: 58—67. (In Russ.).
- Geeraerts, D. (2020). Empathic Viewpoint and Intersubjective Ambiguity. In: *Science without Borders: Synergy of Theories, methods and practices: proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: MGLU. 12—13. ISBN 978-5-00120-210-3.
- Genette, Zh. (1998). *Figures: Works on poetics, 1*. Moscow: Sabashnikov Publishing House. 472 p. (In Russ.).
- Kuno, S. (1987). *Functional syntax: anaphora, discourse, empathy*. Chicago: University of Chicago. 320 p.
- Nelkenbaum, V. M. (2016). Features of stylistic convergence in a literary text. *Bulletin of Bashkir University*, 21 (1): 136—139. (In Russ.).
- Potebnya, A. A. (2010). *Theory of literature: Paths and figures*. Moscow: KRASAND. 200 p. ISBN 978-5-396-00197-8. (In Russ.).
- Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (2003). *Dictionary of Linguistic terms*. Moscow: Onyx-21st century; World and Education. 623 p. (In Russ.).
- Sergeeva, Yu. M. (2018). The addressee factor as the cause of ambiguity of dialogic discourse. In: *Topical issues of linguistics and linguodidactics: traditions and innovations: in 2 parts, 1*. Moscow: MPSU. 81—87. (In Russ.).
- Sharavyev, E. A. (2008). Hermeneutics of answering. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 28: 142—152. (In Russ.).
- Shatunovsky, I. B. (2007). Irony and its types. In: *Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comedy*. Moscow: Indrik. 349—372. ISBN 5-85759-403-0. (In Russ.).
- Sheveleva, M. S. (2021). Theory of empathy in the analysis of discourse (based on the material of English and French). *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 14 (2): 543—552. DOI: 10.30853/phil210056. (In Russ.).

- Shilikhina, K. M. (2014). *Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects*. Doct. Diss. Voronezh. 399 p. (In Russ.).
- Tunitskaya, E. L. (2019). Linguistic markers of the character — object of author's empathy. *Philological sciences in MGIMO, 1 (17)*: 120—127. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-1-17-120-127. (In Russ.).
- Zavrumov, Z. A. (2017). *The phenomenon of irony in a literary text: pragmasemantic and linguoculturological aspects*. Doct. Diss. Makhachkala. 317 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 27.04.2022,
одобрена после рецензирования 16.08.2022,
подготовлена к публикации 20.09.2022.